

М. В. Александрова <http://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Предыстория советского типа жилища: проекты и эксперименты

(Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013)

Для цитирования: Александрова М. В. Предыстория советского типа жилища: проекты и эксперименты // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 24-31. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-243-249

Статья посвящена анализу предпосылок и условий формирования градостроительных концепций и процесса поиска новых типов жилища в дореволюционной России рубежа XIX-XX вв., а также актуализации дореволюционного теоретического и практического опыта в данной сфере в градостроительной и жилищной политике первых лет советской власти. В статье рассматриваются аспекты урбанизации в России и анализируется комплекс проблем, возникших в сфере застройки городов и планирования жилья к началу XX в. В контексте проблемы исследуются специфика жилищных условий городского населения в столице и в провинциальных городах Российской Империи, типы жилья и проекты решения жилищного вопроса. В статье затрагиваются проблемы иерархии городского пространства и революционного передела жилья в первые годы советской власти. Рассматриваются ключевые концепции, повлиявшие на развитие отечественной градостроительной мысли: идеи города-сада, жилищной кооперации, малоэтажных типов жилища, дома-коммуны. На конкретных примерах из истории Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля исследуется опыт разработки и реализации данных концепций в дореволюционной России, а также опыт их трансформации и адаптации в советской градостроительной политике первых лет советской власти. Опыт отечественной теории и практики градостроения исследуется в аспекте социально-экономических и общественно-политических факторов, определяющих тенденции и задачи разработки новых форм расселения, типов жилья и методов решения жилищного вопроса в дореволюционной и советской России первой четверти XX в. Исследуются факторы возникновения феномена коммунальной квартиры как специфического для советской России типа жилья и его взаимосвязь с социокультурными практиками предшествующего периода.

Ключевые слова: Российская Империя, советская эпоха, градостроительство, жилище, дом-коммуна, коммунальная квартира, город-сад.

M. V. Aleksandrova

Background of the soviet type housing: projects and experiments

The article is devoted to the analysis of the conditions for the formation of the new concepts of urban planning and the process of searching for new types of habitation in pre-revolutionary Russia. The author investigates the pre-revolutionary theoretical and practical experience in the urban planning and housing policy of the first years of Soviet power. The article examines aspects of urbanization in Russia and analyzes the complex of problems that arose in the field of urban development and housing planning by the beginning of the XX century. In the context of the problem, the specificity of the living conditions of the urban population in the capital and provincial cities of the Russian Empire, types of housing and projects for solving the housing problem are investigated. The article touches upon the problems of the hierarchy of urban space and the revolutionary redistribution of housing in the first years of Soviet power. The article considers the key concepts that influenced the development of domestic urban planning ideas: the idea of a garden city, housing cooperatives, low-rise types of habitation, and communal houses. Based on specific examples from the history of St. Petersburg, Moscow, Yaroslavl, the experience of the development and implementation of these concepts in pre-revolutionary Russia, as well as the experience of their transformation and adaptation in the soviet urban planning policy of the first years of Soviet power, is investigated. The experience of the domestic theory and practice of urban planning is studied in the aspect of socio-economic and socio-political factors that determine the trends and tasks of developing new forms of settlement, types of housing and methods for solving the housing problem in pre-revolutionary and Soviet Russia in the first quarter of the XX century. The factors of the emergence of the phenomenon of a communal apartment as a type of housing specific for Soviet Russia and its relationship with sociocultural practices of the previous period are investigated.

Keywords: Russian Empire, Soviet era, urban planning, habitation, «kommunalka», house-commune, «garden-city».

Эпоху первых лет советской власти, сопровождающуюся кардинальным изменением социокультурного пространства российского города и жизненного уклада городского населения, принято определять как время социальных экспериментов, в том числе и в жилищной сфере. В это время возникают и получают распространение те специфические формы жилья, которые в известной степени стали средой для формирования советского образа жизни – дом-коммуна, дом-коллектив и, наконец, коммунальная квартира. Вместе с тем появление новых типов жилища связано с целым комплексом социальных, экономических, инженерно-технических и общественно-политических предпосылок, заявивших о себе еще на рубеже XIX–XX вв. не только в России. Идеология и установление нового социального строя стали решающими, но не единственными факторами в определении путей решения «квартирного вопроса» в первые годы советской власти. Исследование феноменов и практик советского «коммунального» быта на этапе их становления целесообразно осуществлять с учетом тенденций и проблем градостроительной и жилищной политики, сформировавшихся в предреволюционный период, в контексте актуальных градостроительных концепций начала XX в.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризовались быстрым ростом и увеличением числа городов и распространением городского образа жизни. С 1860-х гг. процесс урбанизации начался в пореформенной России. Промышленный переворот и отмена крепостного права радикально изменили судьбу российских поселений, создав условия для преобразования классического регулярного города, выполнявшего в основном административные функции, в экономический, торгово-промышленный, «большой» город [Сенявский, 2003, с. 38].

Если в середине XIX в. доля горожан в России составляла 7,8 % населения страны, то к 1897 г. она выросла до 12,3 %, а к 1917 г. – до 18 %. Москва и Петербург в этот период вошли в число самых быстрорастущих городов мира. Население Петрограда накануне революции достигло 2,2 млн человек, Москвы – 1,7 млн. Наряду с ростом столиц, происходило интенсивное развитие городов провинции. В 1863 г. к числу «больших городов», то есть поселений с числом жителей более 100 тысяч, принадлежали всего 3 российских города, в 1885 г. их насчитывалось уже 10, в 1897 г. – 14, а в 1917 г. – 27 [Покшишевский, 1986, с. 95].

За понятием «большого города» скрывались существенные структурно-планировочные и функциональные особенности, присущие новому

типу городского поселения. Характерными для больших городов становятся интенсификация строительства в пределах городской черты, возникновение целых районов с новой функциональной специализацией. При этом застройка внутриквартальных участков, усадебных дворов велась бессистемно, определяясь частной инициативой владельцев. На окраинах, постепенно сливавшихся с городом, «хаотично, вне всякого плана» выросли новые поселки [Градостроительство России ... , 2001, с. 181].

Одной из важнейших градостроительных проблем на рубеже XIX–XX вв. стал вопрос о размещении в черте города промышленных объектов, приводившем к стихийному появлению объектов инфраструктуры и построек для проживания рабочих. Железнодорожные линии, возникая на отчужденных городских территориях, также становились самостоятельным градообразующим фактором. Территориальная концентрация населения и появление большого числа промышленных объектов требовали масштабных мер и устройства дорогостоящих сооружений для обеспечения санитарной безопасности. Вместе с ростом городов увеличивается процент заболеваемости и смертности городского населения, по сравнению с сельским [Кузнецов, 2000, с. 11]. Однако российское законодательство в этот период не располагало эффективными механизмами решения экологических проблем [Шабаева, 1992].

Специфика российского урбанизационного процесса, в котором освоение территории носило «очаговый», «узловой» характер, обусловила неравномерность развития городов. Бурный рост немногочисленных крупных центров происходил в условиях стагнации основной массы российских поселений [Сенявский, 2003, с. 30]. Однако, к числу «больших» городов с населением свыше 100 тысяч человек в 1914 г. относились, в частности, и такие провинциальные центры, как Саратов, Тула, Казань, Нижний Новгород, Самара, Ярославль. За полвека, прошедшие с отмены крепостного права, население Санкт-Петербурга и Ярославля увеличилось в одинаковой степени – ровно в 4 раза. Подобный «стресс» испытывали и «малые» города Центральной России: Кострома за это же время увеличилась в 3,2 раза, Владимир и Тверь – в 2,2 [Рашин, 1956]. Таким образом, урбанизационные процессы затрагивали не только столицы и крупные промышленные центры, но и провинцию, где решение связанных с ними проблем усугублялось инертностью властей и нехваткой средств.

Анализируя административные ресурсы регулирования процессов урбанизации в России,

необходимо отметить, что до 1917 г. Россия не имела специального градостроительного законодательства. План города, подтвержденный Министерством внутренних дел, имел силу закона и, являясь в большей степени юридическим документом, нежели архитектурным проектом, с трудом поддавался корректировке [Барановский, 1916, с. 140]. Согласованности градостроительных мероприятий в масштабах города препятствовала разница в ведомственной подотчетности отдельных городских сооружений. Фрагментарность и несвоевременность принимаемых мер, их несоответствие новым условиям развития городов породили, по выражению исследователей, «кризис большого города» [Сухорукова, 2002], выживший взаимообусловленность всех элементов городской жизни.

Жилищный вопрос – «составная часть общей социальной проблемы, от разрешения которой зависит духовное и физическое развитие населения» [Гушка, 1914, с. 79], – оказался ключевым звеном в градостроительных концепциях предреволюционной России. Именно в жилищной сфере наиболее остро и болезненно проявились кризисные явления, связанные с урбанизацией.

Массовый приток жителей в города возвел понятие жилищной нужды в ранг наиболее острых социальных проблем. Из-за недостаточности предложения на рынке жилья малообеспеченные наниматели вынуждены были снимать жилье самого низкого качества на самых невыгодных условиях, ютиться в помещениях, не отвечающих элементарным гигиеническим нормам. В 1902 г. исследования условий проживания бедных слоев населения Москвы, описанные в санитарном отчете одного из пионеров исследования жилищного вопроса в России И. Вернера об «угловых жильцах», стали шоком для московской общественности [Вернер, 1902]. На каждую квартиру в Москве, по данным переписи 1897 г., в среднем приходилось по 10,8 человек [Говоренкова, 2007, с. 96]. Е. Юхнева в исследовании о петербургских доходных домах XIX–XX вв. выявляет более 60 случаев, когда в однокомнатной квартире проживало по 30–50 человек [Юхнева, 2007, с. 126–127]. Подобная ситуация у И. А. Гончарова описана как рядовая: «в Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город...» [Гончаров, 2015, с. 5]

К началу XX в. Санкт-Петербург размером и населенностью домов превосходил крупнейшие города Европы [Юхнева, 2007, с. 127]. При этом распределение жилого фонда среди горожан как в столице, так и в провинции было неравномерным. В окраинных районах Санкт-Петербурга почти в

каждой десятой квартире проживало более 10 человек в комнате. В I (центральном) районе Ярославля в начале XX в. обеспеченность населения жильем составляла в среднем 39 м³, во II районе – 19 м³, в остальных районах – менее 14 м³ [ГАЯО, д. 512]. При этом, по свидетельству местных коммунальных органов, состояние жилого фонда Ярославля «удовлетворяло своему назначению» только в I-м и, отчасти, во II-м городских районах. В кварталах, примыкавших к большим промышленным предприятиям, наблюдались скученность и антисанитария [ГАЯО, д. 187].

Данные факты наглядно иллюстрируют общую для России тенденцию к иерархичности городского пространства. Начиная с конца XVIII в. в основе отечественного градостроения лежал регулярный принцип, отражавший иерархические принципы организации пространства [Градостроительство России ... , 2001]. Деление городского пространства на главное и второстепенное, престижное и неблагоустроенное, центр и периферию характерно для крупных дореволюционных российских городов. Петербург начала XX столетия распадался, в представлении горожан, на «буржуазно-аристократические» (центр) и рабочие районы, включавшие «городские деревни» (окраины) [Герасимова, 2000, с. 31]. Концентрическая структура Москвы воспринималась как «феодално-иерархичная» [Паперный, 2001, с. 94].

Социальный состав центральных районов городов не был однородным. В доходных домах и флигелях усадеб могли проживать представители разных слоев общества – интеллигенция, мелкие чиновники, пролетарии, маргиналы. Однако наиболее остро вопрос о преодолении жилищной нужды и проектировании новых типов жилья вставал на рабочих окраинах. К началу XX в. лишь 20 % российских рабочих проживали в домах, возведенных за счет предприятий [Говоренкова, 2007, с. 106]. Как правило, это были большие казарменные постройки с общими спальнями и столовыми. Подавляющее большинство рабочих снимали комнаты, углы или койки в частных домах. К примеру, в Ярославле около 4 тысяч рабочих пользовались для жилья подвальными помещениями [Ярославль социалистический ... , 1960, с. 80].

Задачи быстрого и повсеместного преодоления описанных выше проблем в жилищной сфере воплотились впоследствии в известный лозунг советской власти «Дворцы – рабочим!» Кампания по «завоеванию центра», то есть переселение рабочих в аристократические особняки, а также ленинский план «жилищного передела» базировались на самых насущных потребностях масс, став

эффективным инструментом пропаганды. При этом необходимо отметить, что передел жилого фонда в российских городах, стихийно начавшийся в 1917–1918 гг., а затем закрепленный декретом «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», во многом сохранил дореволюционную практику сосуществования «угловых» жильцов в большом многоквартирном доме. Арендная плата и оплата коммунальных услуг были ликвидированы, жилой фонд увеличился за счет бывших особняков и усадеб, распределение жилья приобрело ярко выраженный классовый характер. В целом же кампании по выселению буржуазии, многократные «уплотнения» жильцов и введение единой нормы жилплощади не могли решить проблем преодоления жилищной нужды и привели лишь к возникновению феномена «коммунальной квартиры», ставшего приметой советского образа жизни.

Вместе с тем попытки решения жилищного вопроса путем разработки новых типов жилья, новых форм собственности и новых стратегий расселения предпринимались и в предреволюционные десятилетия. В 1910 г. I Всероссийский Съезд по благоустройству городов закрепил новые принципы перепланировки городов. Улучшение жилищных условий населения выступало одной из главных задач городского плана [Программа первого ... , 1910, с. 600]. Констатируя пагубные последствия проживания в «коечно-каморочных» квартирах, исследователи выделяли два взаимосвязанных аспекта жилищной проблемы: социально-экономический, требовавший мер по удешевлению жилья, и санитарно-гигиенический, указывавший на необходимость «оздоровления» жилищных условий населения. Однако накануне Первой мировой войны большинство отечественных исследователей приходят к выводу, что главное препятствие к преодолению кризиса большого города – наличие частной собственности на землю. «Всякие серьезные попытки решения квартирного вопроса подавляются, пускают в ход все, чтобы поднять стоимость земли и квартирную плату», – отмечал в 1915 г. М. Г. Диканский, призывая к ограничению прав землевладельцев и подчинению частноправовых интересов публично-правовым. Вопрос о новых принципах градостроительной политики часто связывался с задачами социального переустройства российского общества в целом. «Настоятельно необходимое изменение, – отмечали градостроители, – резко противоречит всему, с чем мы сжились, к чему привыкли, предполагает совершенно иной тип общинной жизни, совершенно иных людей» [Диканский, 1915, с. 132].

В связи с этим целесообразно проанализировать ряд актуальных на рубеже XIX–XX вв. градостроительных концепций, которые обсуждались и частично были реализованы в дореволюционной России, а затем получили развитие в первые годы советской власти. В начале XX века градостроительная мысль, обращаясь к проблемам оздоровления городской среды и удешевления жилья, возлагала надежды на создание принципиально новых типов поселений. Широкий резонанс вызвала идея города-сада, предложенная англичанином Э. Говардом [Howard, 1902] и направленная на преодоление социальных проблем путем создания поселений нового типа, сочетающих преимущества городского и сельского образа жизни. Возведение автономных поселений за чертой существующих городов позволяло снизить затраты и обеспечить возможность комплексного возведения инфраструктуры. Важной составляющей идеи Говарда являлось самоуправление жителей и коллективная собственность на землю и недвижимость. В основе планировки городов-садов лежала система озелененных территорий с малоэтажной застройкой коттеджного типа и приусадебными участками.

В Россию идея города-сада пришла в 1904 г. в результате пропагандистской деятельности журналов «Зодчий» и «Городское Дело». В 1913 г. в Санкт-Петербурге открылось «Русское общество городов-садов». Популярность идеи города-сада в России отчасти объяснялась традиционной связью горожан с сельским укладом жизни. Кроме того, по мнению М. Г. Мееровича, города-сады в этот период являются, во-первых, передовым проектным концептом, воплощающим наиболее прогрессивные художественно-планировочные принципы, а во-вторых, идеей, привлекавшей либеральную общественность специфическими организационными формами владения и распоряжения землей [Меерович, 2005, с. 129].

Дореволюционные российские проекты небольших поселений часто именовались городами-садами, так как целенаправленно создавались в виде целостно спланированного комплекса с общественным центром, развитой сетью культурных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений [Хазанова, 1970, с. 43]. Такими были дачный поселок «Царский лес» под Ригой, поселки-сады в Подмосковье, Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Идея города-сада поддерживалась и на уровне государственных ведомств. Министерство Путей Сообщения в 1916 г. приняло решение о строительстве поселков-садов для железнодорожных чинов Омской, Томской и Николаевской железных дорог. При этом, в силу неразвитости в

России кооперативного движения и тенденции к ограничению местного самоуправления со стороны правительства, российские поселки-сады возводили, как правило, без образования жилищного товарищества, не преследуя цели социальных преобразований [Меерович, 2005, с. 132].

С приходом советской власти архитекторы вновь обращаются к идее города-сада. Принципы Говарда нашли отражение в проектах поселков-садов для рабочих под Москвой, Саратовом, Смоленском. План реконструкции Ярославля, ставший первым опытом советского градостроительного проектирования, предусматривал его развитие «по примеру городов-садов» [ГАЯО, д. 115]. В условиях советской России социально-экономические идеи Говарда об общественной собственности на землю, финансовой поддержке государства и коллективных формах управления поселением приобретали особую актуальность. Однако постепенно акценты проектирования советских городов-садов, как и в царской России, смещались в сторону внешней, планировочной составляющей идеи Говарда.

В частности, один из элементов идеи Говарда – индивидуальное жилище коттеджного типа [Градостроительство России ... , 2001, с. 510] – нашел воплощение в разработке домов для советских рабочих. Авторы конкурсных проектов стремились «соединить тип русской избы с удобствами и комфортом современного английского коттеджа» [Справочник по жилищному ... , 1925, с. 183]. Такие дома в 1918 – начале 20-х гг. возводились в промышленных районах центральной России силами самих рабочих [Близанкова, 2001, с. 57]. В нормативных актах индивидуальный коттедж оставался «принятым типом жилища в пригородах и отдельно стоящих фабричных центрах» вплоть до 1925 г. [Хазанова, 1980, с. 102].

Наконец, идеи Говарда по развитию жилищной кооперации активно использовались в советской России в годы НЭПа, став эффективным инструментом расширения городского жилого фонда. С принятием постановления «О жилищной кооперации» (1924) концепция города-сада, пропагандируемая Ассоциацией строительных кооперативов, получила развитие в создании кооперативных рабочих поселков. Однако с конца 20-х гг. кооперативное строительство жилья постепенно перестает соответствовать новым задачам власти, а малоэтажное жилище с приусадебным участком, как и программа развития «городов-садов», признаются нерентабельными и идеологически чуждыми.

Параллельно с популяризацией города-сада в советской России получают широкое распростра-

нение идеи коллективизации быта и создания домов-коммун. При этом многофункциональные дома-коммуны по модели «фаланстера», описанного в работах Ш. Фурье, проектировались и в дореволюционной России. Еще в 1849 г. подобный «фаланстер» был построен в России М. В. Буташевичем-Петрашевским для крепостных крестьян (однако был сожжен самими крестьянами) [Хрусталева, 2000, с. 262]. На рубеже XIX–XX столетий вклад в развитие идеалов коллективного общежития внесли учение о православной соборности В. С. Соловьева, философия общего дела Н. Ф. Федорова и модель «общественного дома» К. Э. Циолковского.

В 1904 г. проект дома-коммуны был реализован в Санкт-Петербурге архитектором В. П. Кондратьевым. Возведенное им шестизэтажное здание было рассчитано на 1000 квартир для рабочих и включало детский сад, школу, прачечную и зал для собраний [Близанкова, 2001, с. 59].

В советской градостроительной политике дом-коммуна изначально рассматривалась как идеал рабочего жилища, школа коллективизма, освобождающая от мещанского быта, способствующая формированию «нового человека». Правда, в условиях неопределенных представлений о будущем градостроительная теория начала 1920-х гг. не ставила под сомнение существование института семьи, не рассматривала проблем жесткого размежевания домов-коммун по возрастам. Как правило, советские проекты домов-коммун представляли собой жилье гостиничного типа, рассчитанное на использование общественных столовых и других коммунальных служб [Кириллов, 1974, с. 113]. На практике идея создания «коллективных домов» чаще была лишь лозунгом при строительстве рабочих жилищ барачного типа, организации коммун «красной молодежи» в бывших казармах или «Домов Советов» для партийного руководства в богатых особняках и роскошных отелях [Герасимова, 2000, с. 32]. По инициативе рабочих «дома-коллективы» могли создаваться в обычных многоквартирных домах, где бытовые процессы приготовления пищи, колки дров, стирки и присмотра за детьми организовывались несколькими семьями по принципу очередности и разделения обязанностей. В частности, возникновение такого «дома-коллектива» в Ярославле широко освещалось в прессе: коммуна рабочих фабрики «Красный Перекоп», основанная в 1929 г., включала около 500 человек [Дом-коллектив, 1932, с. 4]. Но для города этот опыт оставался единичным и воспринимался неоднозначно, вызывая неприятие основной массы населения.

В целом же параметры коллективного социалистического жилья не были четко сформулированы даже в градостроительных проектах вплоть до конца 1920-х гг. По мнению В. Э. Хазановой, представленному в научном докладе «Опыт изучения истории советской архитектуры 1917-1932 гг.», несбыточной была скорее программа, по которой создавались эти проекты, поэтому впоследствии «их постоянно упрекали в утопичности технических замыслов, ибо опасно было обнаруживать в подобных смелых проектах социальный утопизм» [Хазанова, 1980].

Градостроительные эксперименты первых лет советской власти базировались на уже известных в дореволюционной отечественной практике идеях и концепциях, адаптируемых к меняющемуся идеологическому курсу молодого государства. При этом параллельно с разработкой новаторских проектов в советской жилищной политике закрепился иной, стихийно сложившийся тип коммунального бытия – феномен коммунальной квартиры, ставшей основным типом жилья в советском государстве вплоть до 1960-х гг.

Библиографический список

1. Барановский Г. В. Судьбы русского строительного законодательства // Зодчий. 1916. № 14. С. 139-140.
2. Близанкова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918-1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Москва : Три квадрата, 2001. С. 53-89.
3. Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской городской Думы. 1902. Вып. 19. С. 1-27.
4. Герасимова К. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду / К. Герасимова, С. Чуйкина // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. 1920–30-е годы. Санкт-Петербург : Нева, 2000. С. 29-73.
5. Говоренкова Т. Жилищный вопрос и логика его решения. Эпизод X. Жилищный вопрос в России: частные и общественные усилия по его решению / Т. Говоренкова, А. Жуков, Д. Савин, А. Чуев // Муниципальная власть. 2007. № 3. С. 96-107.
6. Гончаров И. А. Обломов. Санкт-Петербург : Азбука, 2015. 544 с.
7. Градостроительство России середины XIX – начала XX века / под ред. Е. И. Кириченко. Т. 1. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 340 с.
8. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 115. Л. 192.
9. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 187. Л. 2.
10. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 512. Л. 2.
11. Гушка А. О. Социальные основы жилищного вопроса // Зодчий. 1914. № 7. С. 79.
12. Диканский М. Г. Постройка городов. Их план и красота. Петроград : Н. П. Карбасников, 1915. 306 с.
13. Дом-коллектив на Красном перекопе. Ярославль : Партиздат, 1932. 16 с.
14. Кириллов В. В. Путь поиска и эксперимента. Из истории советской архитектуры 20-х – начала 30-х гг. Москва : Наука, 1974. С. 113-114.
15. Кузнецов В. Н. Городская среда и человек // Биология. 2000. № 21. С. 11.
16. Меерович М. Г. Города-сады в Западной Сибири (градостроительная политика России в конце XIX – начале XX в.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6 (51). С. 128-132.
17. Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Москва : Три квадрата, 2001. С. 94.
18. Покшишевский В. В. Динамика георбанистической ситуации и эволюция градостроительной концепции // Вопросы географии. Вып. 129. Москва, 1986. С. 95.
19. Программа первого съезда по благоустройству городов // Городское дело. 1910. № 9. С. 600–601.
20. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813-1913). Статистические очерки / под ред. академика С. Г. Струмилина. Москва : Государственное статистическое изд-во, 1956. 350 с.
21. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. Москва : Прогресс, 2003. 440 с.
22. Справочник по жилищному строительству. Ленинград : Двигатель, 1925. 296 с.
23. Сухорукова А. «Кризис большого города» и городское самоуправление Петербурга в начале XX в. // Город и горожане в России XX века. Санкт-Петербург : Контрфорс, 2002. С. 15-23.
24. Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. Москва : Наука, 1980. 373 с.
25. Хрусталева М. А. Русский фаланстер // Философский век. Альманах. Вып. 12 : Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. С. 257–269.
26. Шабаева В. И. Кризис взаимоотношений урбанизации с окружающей средой // Экология и проблемы большого города. Москва : Российская академия наук, Ин-т науч. информации по общественным наукам, 1992. С. 93-95.
27. Юхнева Е. Петербургские доходные дома. Очерки быта. Санкт-Петербург : Центрполиграф, 2007. 530 с.
28. Ярославль социалистический. Очерки по истории города. Ярославль : Ярославское книжное издательство, 1960. 365 с.
29. Haward E. Tomorrow: A Peaceful Path to Real Reform. London, 1898; Garden Cities of Tomorrow. London, 1902.

Reference list

1. Baranovskij G. V. Sud'by russkogo stroitel'nogo zakonodatel'stva = The fate of Russian construction legislation // *Zodchij*. 1916. № 14. S. 139-140.
2. Blizankova M. Sovetskoe zhilishhnoe stroitel'stvo v gody jeksperimenta: 1918-1933 gody = Soviet housing construction during the years of the experiment: 1918-1933 years // *Zhilishhe v Rossii: vek XX. Arhitektura i social'naja istorija*. Moskva: Tri kvadrata, 2001. S. 53-89.
3. Verner I. Zhilishha bednejshego naselenija Moskvy = Dwellings of Moscow poorest population // *Izvestija Moskovskoj gorodskoj Dumy*. 1902. Vyp. 19. S. 1-27.
4. Gerasimova K. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k socialisticheskomu Leningradu = From capitalist Petersburg to socialist Leningrad / K. Gerasimova, S. Chujkina // *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni. Stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii. 1920-30-e gody*. Sankt-Peterburg: [Zhurn. «Neva»], 2000. S. 29-73.
5. Govorenkova T. Zhilishhnyj vopros i logika ego reshenija. Jepizod X. Zhilishhnyj vopros v Rossii: chastnye i obshhestvennye usilija po ego resheniju = Housing issue and the logic of its solution. Episode X. Housing issue in Russia: private and public efforts to solve it / T. Govorenkova, A. Zhukov, D. Savin, A. Chuev // *Municipal'naja vlast'*. 2007. № 3. S. 96-107.
6. Goncharov I. A. Oblomov = Oblomov. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2015. 544 s.
7. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka = Urban planning of Russia in the middle of the XIX – early XX centuries / pod red. E. I. Kirichenko. T. 1. Moskva: Izd-vo Progress -Tradicija, 2001. 340 s.
8. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 115. L. 192 = SAYaR. F. R-208. O. 1. D 115. L. 192.
9. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 187. L. 2 = SAYaR. F. R-208. O. 1. D. 187.
10. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 512. L. 2 = SAYaR. F. R-208. L. 2.
11. Gushka A. O. Social'nye osnovy zhilishhnogo voprosa = Social foundations of the housing issue // *Zodchij*. 1914. № 7. S. 79.
12. Dikanskij, M. G. Postrojka gorodov. Ih plan i krasota = Construction of cities. Their plan and beauty. Petrograd: N. P. Karbasnikov, 1915. 306 s.
13. Dom-kollektiv na Krasnom perekope = House-collective on Krasny Perekop. Jaroslavl': Partizdat, 1932. 16 s.
14. Kirillov V. V. Put' poiska i jeksperimenta. Iz istorii sovetskoj arhitektury 20-h – nachala 30-h gg. = Way of search and experiment. From the history of Soviet architecture of the 20s – early 30s. Moskva: Izd-vo, Nauka, 1974. S. 113-114.
15. Kuznecov V. N. Gorodskaja sreda i chelovek = Urban environment and people // *Biologija*. 2000. № 21. S. 11.
16. Meerovich M. G. Goroda-sady v Zapadnoj Sibiri (gradostroitel'naja politika Rossii v konce XIX – nachale XX v.) = Garden cities in Western Siberia (urban planning policy of Russia in the late XIX – early XX centuries) // *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*. 2005. № 6 (51). S. 128-132.
17. Papernyj V. Muzhchiny, zhenshiny i zhiloe prostranstvo = Men, women and living space // *Zhilishhe v Rossii: vek XX. Arhitektura i social'naja istorija*. Moskva: Tri kvadrata, 2001. S. 94.
18. Pokshishevskij V. V. Dinamika geourbanisticheskoy situacii i jevoljucija gradostroitel'noj koncepcii = Dynamics of geourbanistic situation and evolution of urban planning Concept // *Voprosy geografii*. Vyp. 129. Moskva, 1986. S. 95.
19. Programma pervogo s#ezda po blagoustrojstvu gorodov = Program of the first congress for improving cities // *Gorodskoe delo*. 1910. № 9. S. 600–601.
20. Rashin A. G. Naselenie Rossii za 100 let (1813-1913) = Statisticheskie ocherki The population of Russia for 100 years (1813-1913). Statistical essays / pod. red. akademika S. G. Strumilina. Moskva: Gosudarstvennoe statisticheskoe izd-vo, 1956. 350 s.
21. Senjavskij A. S. Urbanizacija Rossii v XX veke. Rol' v istoricheskom processe = Urbanization of Russia in the XX century. Role in the historical process. Moskva: Progress, 2003. 440 s.
22. Spravochnik po zhilishhnomu stroitel'stvu = Handbook on housing Leningrad: Dvigatel', 1925. 296 s.
23. Suhorukova A. «Krizis bol'shogo goroda» i gorodskoe samoupravlenie Peterburga v nachale XX v. = «Crisis of the big city» and urban self-government of St. Petersburg at the beginning of the XX century // *Gorod i gorozhane v Rossii XX veka*. Sankt-Peterburg: Kontrfors, 2002. S. 15-23.
24. Hazanova V. Je. Sovetskaja arhitektura pervyh let Oktjabrja = Soviet architecture of the first years of October. Moskva: Nauka, 1980. 373 s.
25. Hrustaleva M. A. Russkij falanster = Russian phalanster // *Filosofskij vek. Al'manah*. Vyp. 12: Rossijskaja utopiya: Ot ideal'nogo gosudarstva k sovershennomu obshhestvu. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej, 2000. S. 257–269.
26. Shabaeva V. I. Krizis vzaimootnoshenij urbanizacii s okruzhajushhej sredoj = Crisis of urbanization-environment relations // *Jekologija i problemy bol'shogo goroda*. Moskva: Rossijskaja akademija nauk, In-t nauch. informacii po obshhestvennym naukam, 1992. S. 93-95.
27. Juhneva E. Peterburgskie dohodnye doma. Oчерki byta = Petersburg apartment buildings. Life essays. Sankt-Peterburg: Centrpoligraf, 2007. 530 s.
28. Jaroslavl' socialisticheskij. Oчерki po istorii goroda = Jaroslavl is socialist. Essays on the history of the city. Jaroslavl': Jaroslavskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 365 s.
29. Haward E. Tomorrow: A Peaceful Path to Real Reform. London, 1898; Garden Cities of Tomorrow. London, 1902.